

И. Кант о знании и видах веры

Статья посвящена кантовским определениям важнейших в европейской культуре понятий. *Знание и вера* оказываются у Канта оценочными категориями, говорящими о степени достоверности различного рода суждений – теоретических и практических. Кант противопоставляет *доктринальную* веру, претендующую на теоретическое *знание* своих объектов, *практической вере*, в свою очередь разделяющейся на веру *прагматическую, моральную и религиозную*.

Ключевые слова: Кант; вера; знание; мнение; мораль; разум; рассудок; религия разума; практическое; теоретическое.

В заключительном разделе *Канона чистого разума* под названием *О мнении, знании и вере*, перешедшего без изменений из первого издания *Критики чистого разума* во второе, Кант иронично пишет: «...никто не будет в состоянии хвастаться, будто он *знает*, что бог и загробная жизнь есть (*sei*); а если кто это знает, я хотел бы встретиться с этим человеком» [1, с. 1039]. Предметом иронии являются здесь слова *знать* (*wissen*) и *знание* (*Wissen*), а точнее, их некорректное, с точки зрения Канта, употребление.

Русские слова *знать* и *знание*, так же как и немецкие *wissen* и *das Wissen*, имеют чрезвычайно широкий и трудно устанавливаемый круг значений, поскольку они не поддаются определениям, являющимся, по Канту, сутью *теоретического познания*, с помощью указания на родовидовые характеристики обозначаемых явлений¹. Приблизительные же границы возможных значений таких слов определяются, как правило, с помощью противопоставления им антонимов или простых отрицаний. Например, пределы, за границами которых неуместно употребление термина *бытие*, обычно очерчивают словами *ничто* и *небытие*, как это делали Гегель и Хайдеггер. Только слово *незнание* указывает на приблизительные границы возможных значений термина *знание*, да еще сопоставление его с другими терминами, обозначающими в чем-то сходные, но всё же иные явления. Кант, в соответствии с многовековой традицией, сопоставляет *знание* с *мнением* и *верой*, в разделе *Канона чистого разума*, который так и называется: «О мнении, вере и знании» [Там же, с. 1029–1043].

Впрочем, традиционной, начиная с эллатов, является антитеза *знания* и *мнения*. Традиционным было и противопоставление *веры* и *разума*, начало которому положила христианская апологетика II–III веков. Потрясенные подвигами христианских мучеников, которые шли на казнь, но не отказывались от своих убеждений, апологеты предприняли энергичную и, будучи по-гречески образованными, весьма квалифицированную критику *разума*, культивируемого античной философией как главную способность адекватно познавать мир и руководить поступками людей. Они, а затем отцы церкви, схоласты и мистики Средних веков возвеличили *веру* как отличный от *разума* и более ценный, чем разум, источник знаний или, по меньшей мере, условие *понимания* весьма неочевидных христианских догматов. Аврелию Августину приписывают (хотя не только ему) авторство фра-

* Геннадий Васильевич Болдыгин, канд. филос. наук, доцент АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ О кантовских понятиях *теоретическое* и *практическое познание* см.: Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 58–96. – URL: <http://www.lap-publishing.com/>

зы «credo ut intelligam», которую обычно переводят словами «верую, чтобы понимать».

Кант, на первый взгляд, продолжает древнюю традицию критики *разума*, отказывая *ему* в способности познавать как *предметы опыта*, так и *предметы*, подразумеваемые *идеями*, которые он самостоятельно продуцирует. Существование реальных аналогов некоторых из этих *идей* является предметом религиозной веры, которая для Канта, однако, не альтернативный *разуму* источник неопровержимых знаний или, наоборот, нелепых заблуждений, не собственная *заслуга*, которой гордятся многие верующие, не *благодать*, т. е. не *благой дар*, которым бог наделяет избранных и обделяет им тех (*не дает им веры*), кому он *попускает* быть иноверцами, атеистами, а то и гонителями христиан.

Религиозная вера, по Канту, представляет собой важный, может быть важнейший, но всего лишь один из видов того значимого в жизни людей, что в первые века христианства стали называть *верой* (*fides*). Слово *вера* в различных написаниях и произношениях фигурирует во всех европейских языках преимущественно в значении *религиозного* убеждения, дав жизнь множеству терминов, никак не связанных с религией или потерявших с нею прямую связь. В русском языке с корнем *вер* образовано множество слов, не имеющих исключительно религиозного смысла, например, *уверенность*, *достоверность*, *верно*, *вероятность*, *верность*, *доверие*. Однако слово *вера*, когда его используют без дополнительных определений, чаще всего означает *религиозную веру*. Так же использует это слово и Кант. Термин *вера* (*der Glaube*), когда оно встречается в кантовских текстах без дополнений и определений, в большинстве случаев означает *религиозное убеждение*.

Что побуждает нас считать какие-то суждения осторожными *мнениями*, другие – твердыми *знаниями*, а третьи – предметами *веры*? Вот вопрос, на который пытались ответить многие выдающиеся мыслители и до Канта. Платон, например, считал, что различие между мнением и знанием обусловлено различием предметов познания: предметы колеблющегося *мнения* (*δόξα*) – изменчивые, возникающие и исчезающие *вещи*, предметы *знания* (*ἐσθήμη*) – вечные *идеи*. Тертуллиан, одним из первых противопоставивший *разум* и *веру*, полагал, что ее предметом может быть нечто исключительно *абсурдное*, противоречащее всем *разумным* выкладкам: то, что разумно, непротиворечиво и не абсурдно, не нуждается в *вере*, его знают. Однако трактовка Кантом традиционных для европейской мысли понятий *разум* и *вера*, *мнение* и *знание* оказалась далеко не традиционной, в *Критике чистого разума* он демистифицирует *веру*, которая превращается под его пером, вместе с *мнением* и *знанием*, в оценочную категорию, с помощью которой люди квалифицируют степень своей убежденности в истинности различных положений, включая и научные выводы.

Кант обращает внимание на то, что научным выводам недостаточно быть истинными. Они нуждаются в *признании* их истинности. Иногда для этого требуется много усилий и очень много времени. Так, положение о том, что Земля вместе с другими планетами вращается вокруг Солнца, сформулированное Аристархом Самосским в III в. до н. э., дождалось 2000 лет, чтобы его истинность стала общепризнанной. Впрочем, *общепризнанность* гелиоцентризма в наши дни – это, конечно же, гипербола. Многим нашим современникам, живущим на *планете* Земля, еще только предстоит признать, что она – *летающая звезда*. Но еще большее их количество никогда не признает этого, даже не подозревая, что кто-то может задаваться нелепым вопросом о подвижности или неподвижности Земли.

Среди множества известных нам суждений есть не так уж много тех, в истинности которых мы твердо убеждены, без колебания называя их *знаниями*. Гораздо

больше в нашем распоряжении *мнений*, т. е. суждений, истинность которых мы считаем возможной, но не исключаем вероятности того, что истинными могут быть и какие-то иные утверждения. Нам известны и такие положения, в истинность которых можно только *верить*, поскольку они не обладают несомненностью, присущей *знанию*, но степень убеждения в их истинности выше той, какая присуще *мнению*. Кант ставит вопрос об основаниях, по которым одни суждения люди признают *знаниями*, другие – *мнениями*, а третьи – *верой*: «Признание чего-то истинным имеет место в нашем рассудке и может иметь объективные основания, но требует также субъективных причин в душе того, кто высказывает суждение» [1, с. 1029].

Слово *объективное* в кантовских текстах в большинстве случаев эквивалентно *общезначимому* или, в более современной терминологии, – *интерсубъективному*. «Если суждение значимо для каждого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется *убеждением* (*Überzeugung*)» [Там же, с. 1029]. В свою очередь *общезначимость* суждений в кантовской терминологии то же самое, что их *всеобщность и необходимость*, которые обусловлены одинаковостью у всех людей априорных *теоретических познавательных способностей* – чувственности и рассудка². Если же признание истинности «имеет основание только в особом характере субъекта, то Кант называет такое признание *убежденностью* (*Überredung*)» [Там же, с. 1028, 1029]³.

Впрочем, Кант понимает, что провести четкое различие между субъективной *убежденностью* и объективным *убеждением* нелегко или вообще невозможно, поскольку они принадлежат одному и тому же субъекту, который далеко не всегда способен разобраться, что в его оценках обусловлено его собственным *особым характером*, а что может рассчитывать на общезначимость⁴. Не вдаваясь далее в разграничение этих достаточно близких понятий, а также в выяснение их отличия от понятия *достоверность* («Я не буду останавливаться более на разъяснении столь ясных понятий»⁵), Кант формулирует итоговые дефиниции: «Субъективная достаточность (*Zulänglichkeit*) называется *убеждением* (для меня самого), а объективная достаточность – *достоверностью* (для каждого)» [Там же, с. 1031].

² «...Объективная значимость и необходимая общезначимость (для каждого) суть взаимозаменяемые понятия, и хотя мы не знаем объекта самого по себе, но когда мы рассматриваем суждение как общепринятое и, стало быть, необходимое, то под этим мы разумеем объективную значимость», – разъясняет Кант в *Пролегоменах* смысл терминов *необходимое* и *объективное* [3, с. 56].

³ Слово *Überredung* (производное от *überreden* – убеждать, уговаривать, внушать) означает и действие по убеждению, уговариванию, внушению, и результат этого действия. Н. О. Лосский перевел *Überredung* словом *верование*, советские издатели «Критики чистого разума» – словом *уверенность*, издатели двуязычного издания – словосочетанием *внушенное убеждение*. Предлагаемое слово *убежденность* позволяет указать на субъективность, которая характеризует, по Канту, *Überredung*, и отличить ее от интерсубъективности убеждения (*Überzeugung*).

⁴ «...С субъективной стороны убежденность (*Überredung*), правда, нельзя отличить от убеждения (*Überzeugung*), если субъект рассматривает признание суждения истинным только как явление в своей душе; но попытка установить, производят ли и на чужой разум значимые для нас основания суждения такое же действие, как и на наш, служит средством, правда лишь субъективным, имеющим своей целью если не достигнуть убеждения (*Überzeugung*), то хотя бы обнаружить лишь индивидуальную значимость суждения, т. е. то в нем, что есть лишь убежденность (*Überredung*)» [1, с. 1029].

⁵ Видимо, Кант, второпях оборвавший девятилетнюю работу над первой *Критикой*, которую он собирался написать за три месяца, был недоволен и этой частью своего изложения. Вот что пишет об этом Эрнст Кассирер: «После десятилетия глубочайших раздумий, после всё новых отсрочек окончание сочинения достигается лишь внезапным решением, насильственно прекращающим ход мыслей. Только страх, что смерть или старческая слабость может внезапно прервать его деятельность, заставили Канта придать, наконец, внешнее завершение его мыслям, которое он сам признавал предварительным и неудовлетворительным» [4, с. 120].

Мнение, веру и знание он различает по степени убеждения субъекта в истинности тех или иных суждений⁶. *Мнение*, по Канту, есть *признание* суждения возможным и истинным, хотя субъекту не хватает ни собственной убежденности в этом, ни надежды на то, что она станет общезначимой⁷. *Веру* Кант ставит на более высокую ступень *убеждения*, или *субъективной значимости* (*subjective Gültigkeit*) *суждения*: «Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*» (*Glaube*) [1]. На верхней ступени оценочных, по своей сути, понятий, характеризующих степень убеждения субъекта, оказывается *знание*: «...и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание* (*Wissen*)» [Там же].

Знанием, если следовать Канту, может быть признано только *суждение*, являющееся итогом теоретического познания, хотя не все суждения рассудка о *предметах опыта* бывают *всеобщими и необходимыми*. Большая часть результатов *теоретического познания* – это те из них, в истинности которых мы не убеждены бесповоротно, расценивая их как *мнения*. Суждения о предметах, не встречающихся в опыте, но подразумеваемых *понятиями разума (идеями)*, могут быть логически непротиворечивыми и, следовательно, не абсурдными. Однако одной лишь непротиворечивости в спекулятивных рассуждениях о *бытии бога и бессмертии души* недостаточно, чтобы оценивать их как *знания*, а наш рассудок, считает Кант, не соглашается видеть в них всего лишь *мнение* или *хотя бы только гипотезу* [Там же, с. 1031].

В истинность рациональных построений *физикотеологии* и *пневматологии* (так Кант называет традиционную *рациональную теологию* и *рациональную психологию*) можно только *верить*, как верят в истинность своих логически безупречных *доктрин* университетские *доктора*. Такую форму убежденности Кант называет *доктринальной верой* (*doctrinale Glaube*). «Нельзя не признать, что учение о бытии бога есть лишь доктринальная вера», – утверждает Кант, а через несколько строк говорит об основаниях «доктринальной веры в будущую жизнь человеческой души» [Там же, с. 1035–1037]. Разъясняя особенности *доктринальной веры*, Кант пишет: «Слово *вера* служит в таких случаях выражением скромности в *объективном* отношении, но в то же время твердой уверенности в *субъективном* отношении» [Там же, с. 1037].

Нередко адепты логически непротиворечивых учений, считая их *знаниями*, создают квазитеоретические построения о свойствах недоступных созерцанию объектов, призванных окончательно и бесповоротно доказать истинность их тезисов. Чтобы проверить, является ли такое убеждение чем-то большим, чем *одна лишь доктринальная вера*, которая всегда *содержит в себе нечто нетвердое*, Кант, как известно, предлагает использовать *пари*, которое *приводит в замешательство* самого стойкого сторонника защищаемой доктрины. «Иногда оказывается, что внутренней убежденности у него достаточно, чтобы оценить ее только в один дукат, но не в десять дукатов, так как рисковать одним дукатом он еще решается, но только при ставке в десять дукатов он видит то, чего прежде не замечал, а именно что он, вполне возможно, ошибается» [Там же, с. 1035].

⁶ «Признание истинности суждения или субъективная значимость суждения имеет следующие три ступени в отношении убеждения (которое имеет также объективную значимость): *мнение, веру и знание*» [1, с. 1031].

⁷ «*Мнение (Meinung)* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны» [Там же].

Из рассуждений Канта вытекает, что сфера *доктринальной веры* не ограничена *рациональными теоретическими науками* из классификации Хр. Вольфа⁸, призванными доказывать истинность христианского вероучения. Кант, например, причисляет к *доктринальной вере* свое собственное убеждение, что «на какой-то из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было установить это опытом» [1]. Кант отказывается видеть в этой мысли *только мнение*, но считает ее *твердой верой*, ради которой он *готов держать пари на всё*, что у него *есть* [Там же]. В науке XVIII века можно найти немало суждений об объектах, убеждение в существовании которых может быть обозначено кантовским термином *доктринальная вера*. К таким объектам относятся и уже *невидимые материи*, в существовании которых были убеждены многие авторитетные ученые того времени, пытавшиеся разными способами, включая эксперименты, сделать их *предметами опыта*, а свою *веру* в них превратить в *знание*.

Так, яркий пропагандист научного экспериментирования Г. Э. Шталь⁹ утверждал, что может провести множество экспериментов, которые неоспоримо докажут существование *флогистона* – *невидимой материи огня*, соединение которой с *землей* (флогистация) в разных пропорциях дает разные металлы, а разъединение (дефлогистация) вновь превращает металлы в *земли* и *флогистон* с присущей ему отрицательной тяжестью, что должно было объяснять видимое движение пламени вверх и увеличение веса металла после его обжига. Кант располагал некоторыми сведениями об этих опытах, проводимых в начале восемнадцатого века, и с осторожностью ученого-педанта, ссылаясь на свою недостаточную осведомленность, писал о его экспериментах так: «...Шталь... превращал металлы в известь и известь обратно в металлы, что-то выделяя в них и вновь присоединяя к ним» [Там же, с. 13–15].

В конце восемнадцатого века немногим меньше, чем в его начале, принимались на веру, казалось бы, логически безупречные выводы о перетекающих из тела в тело невидимых магнитных, электрических и прочих *флюидах*, которые воздействует на видимый мир, вызывая в нем вполне реальные изменения. А в девятнадцатом веке требования к аргументации, доказывающей существование предметов, находящихся *вне опыта*, ужесточились еще более и вдобавок стали более затратными. Так, открытие Нептуна, совершенное *на кончике пера*, оставалось *доктринальной верой*, пока восьмая планета солнечной системы не стала 28 сентября 1846 г. *предметом опыта* в самой современной Берлинской обсерватории, оснащенной мощнейшим зеркальным телескопом, что позволило суждениям о ее существовании стать *знаниями*¹⁰. Именно эта дата, а не дата вычисления считается днем *открытия* этой планеты.

Одно только введение Кантом понятия *доктринальная вера* позволяет понять смысл его высказывания: «Я должен был ограничить *знание*, чтобы предоставить место *вере*...»¹¹ Однако *вера* для Канта не только оценочная категория в научных

---

⁸ *Рациональными теоретическими науками* Вольф считал *рациональную теологию, рациональную психологию и рациональную космологию*. Подробнее об этом см.: Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике теоретического и практического видов познания (статья первая) // Вестник Гуманитарного университета. – 2014. – № 3 (6). – С. 120–136.

⁹ Видимо, из-за ширококвещательных пропагандистских заявлений Кант даже причислял Шталь к родоначальникам *экспериментального метода* наряду с Галилеем и Торричелли [1, с. 13].

¹⁰ В наши дни не только ужесточились критерии существования, но и выросла стоимость превращения в *знание доктринальной веры* в существование элементарных частиц (например, бозона Хиггса). Кольцевой андронный коллайдер и работа с ним многочисленных научных и технических сотрудников требует колоссальных средств, несопоставимых с затратами на строительство в девятнадцатом веке Берлинской обсерватории и самого мощного по тем временам зеркального телескопа.

¹¹ «Ich mußte also das *Wissen* aufheben, um zum *Glauben* Platz zu bekommen...» [1, с. 32].

спорах. Указывая на достойное место, которое занимает *доктринальная вера*, столь распространенная в науке и являющаяся, по его словам, *аналогом практической веры в чисто теоретических суждениях*, он всё-таки в гораздо большей степени интересуется *практической верой (praktische Glaube)*¹². Именно *вера*, которую Кант называет *практической*, а вовсе не *знание* определяет наше решение поступать так или иначе или вообще воздержаться от каких-либо поступков.

Знание, по Канту, возможно только как *признание* итогов *теоретического познания* о том, что *есть* или *обязательно будет*, т. е. о предметах актуального или возможного опыта, например об обязательном возвращении к Солнцу кометы Галлея через каждые 75–76 лет. Но невозможно *знание* о будущем, которое зависит от наших желаний, от решимости следовать им или отказаться от них в пользу других желаний, а также от свободно избранного нами способа реализации наших целей (*практических правил поведения*). Построит кто-то загородный дом или как-то иначе израсходует имеющиеся накопления, пойдет он в библиотеку или в развлекательный центр, будет со страстью разоблачать коварных *врагов народа* или брезгливо избегать подобного соучастия, дожидаясь *суда истории*, – эти и многие другие варианты *нашего будущего* зависят, по Аристотелю (и в этом с ним согласен Кант), от *наших решений*. Такое *будущее*, зависящее от свободной воли людей, *знать* нельзя, в него можно только *верить*¹³.

И в самом деле, мы решаемся на поступок не потому, что *знаем* о будущей успешности предпринимаемых нами действий, а потому, что *верим* в практическую осуществимость наших целей, если будем следовать избранным нами, а не навязанным кем-то извне *правилам поведения*. В первой *Критике* Кант выделял два вида *практической веры*, которая лежит в основе наших *решений* следовать избранным *правилам поведения*, которые, как мы надеемся, обеспечат осуществление наших практических *намерений*. Первый вид он называет *прагматической верой (pragmatische Glaube)*; в ее основе лежит *практическое намерение*, которое *касается умения для любых и случайных* (т. е. не общеобязательных) *целей*¹⁴. В основе второго вида *практической веры*, который Кант называет *моральной верой (moralische Glaube)*, лежит *намерение*, которое *касается нравственности с ее безусловно необходимыми целями* [1, с. 1033]¹⁵.

Прагматическую веру Кант называет также *случайной верой*, «которая, однако, лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий» [Там же]. Ее *случайность* Кант поясняет на примере не уверенного в своем диагнозе врача, который назначает тем не менее лечение, потому что он «должен что-то делать для больного, находящегося в опасности» [Там же]. Кант называет *случайной веру* в эффективность избранного врачом способа лечения болезни из-

¹² Кант ко времени написания *Критики способности суждений*, видимо, пересмотрел некоторые воззрения на соотношение *веры* и *мнения*. Так, в § 91. *О способе принятия за истину через практическую веру* свою прежнюю *твердую веру* в инопланетян он называет *мнением*: «Предположение о наличии разумных обитателей на других планетах есть дело мнения...» [2, с. 789]. *Предметом мнения* оказывается теперь и *эфир новейших физиков, эта упругая жидкость, проникающая все материи* [Там же].

¹³ Не исключено, что через какое-то время в распоряжении людей окажутся средства, позволяющие изменить орбиту кометы Галлея, и тогда только от их воли будет зависеть ее дальнейшая судьба.

¹⁴ «Такую случайную веру, которая, однако, лежит в основе действительного применения средств для тех или иных действий, я называю *прагматической верой*» [1, с. 1033].

¹⁵ В последней *Критике*, размышляя о слове *вера* в его *обычном употреблении*, т. е. в значении *религиозная вера*, являющейся разновидностью *прагматической*, Кант определяет ее как «упование на осуществление намерения», хотя «возможность претворения его в действительность нам *усмотреть* не дано» [2, с. 799]. Замечательно использование переводчиком слова *упование* в качестве эквивалента немецкого *Vertrauen*, основное значение которого в немецко-русских словарях – *доверие*.

за случайности его диагноза: «Его вера даже в его собственном суждении чисто случайна; другой, быть может, правильное угадал бы болезнь» [Там же]. Возможно, называя *прагматическую* веру врача *случайной*, он имел в виду, что диагностирование одного врача или целого консилиума врачей можно квалифицировать как *теоретическое познание*, цель которого *определение* болезни, а сам диагноз – как результат этого определения, оказавшийся *мнением*. В таком случае от необязательного (*случайного*) мнения зависит выбор *средств* для лечения, *упование* на эффективность которых и есть то, что может быть названо *прагматической верой*. А может быть, он имел в виду, что врачи часто расходятся не только в диагнозе болезни, но и в излюбленных рецептах ее излечения, множественность которых должна свидетельствовать о *случайности*, необязательности их веры в *правила* собственного умения.

Но что бы ни имел в виду Кант, рассуждая об особенностях *прагматической веры*, всё же главный интерес для него представляет *моральная вера* с ее *практическим намерением* достигать не *случайных*, а *общеобязательных*, «безусловно необходимых целей» [1, с. 1033]. Еще в докритический период он пришел к выводу, что религиозная вера большинства людей в существование предметов *рациональных теоретических наук* из классификации Хр. Вольфа зависит от чего-то другого, а не от аргументов *физикотеологии* в целесообразное устройство мира и *пневматологии*, доказывающей *простоту* души. Самое большее, что может дать такая аргументация, – это *доктринальная вера*, неспособная побуждать человека к каким-либо действиям, а тем более – к подвигам во имя веры, поскольку она, решая главную задачу *теоретического познания* определять то, *что есть (daist)*, даже не ставит главный для практики вопрос о том, что *должно быть (daseinsoll)*¹⁶. Впрочем, Кант не считал *доктринальную веру* в бога и бессмертной души совсем уж бесполезной. Она полезна своей регулятивной функцией в теоретических разысканиях: «...предположение относительно мудрого творца мира есть условие для случайной, правда, но все же весьма важной цели, а именно для стремления чем-то руководствоваться в исследовании природы» [Там же, с. 1037]. Кант называет свою веру в бога *путеводной нитью*, «которую мне дает идея» и оказывает «субъективное влияние на успех деятельности моего разума, что и заставляет меня держаться этой идеи, хотя я не в состоянии дать отчет о ней в спекулятивном отношении» [Там же]. Иными словами, практической полезностью для собственных теоретических поисков Кант оправдывает свою собственную *доктринальную веру* в существование того, что для большинства людей является предметом *религиозной веры*.

Религиозная вера, по Канту, порождается разумом любого индивида, а ее предметы являются предметами размышлений всех людей, а не одних только профессиональных теологов. Но ни доморощенные теологические построения неграмотных людей, которые тоже обладают *разумом* и его идеями, ни логически выверенные аргументы профессиональных *физикотеологов* не превращают *доктринальную веру* в религиозную и, следовательно, действенную веру¹⁷, способную побуждать к нравственным поступкам. Действенной является *моральная ве-*

¹⁶ «Я ограничиваюсь... дефиницией теоретического познания как такого, посредством которого я познаю, что *существует (daist)*, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе, что *должно существовать (daseinsoll)*» [1, с. 813].

¹⁷ Кант ко времени написания *Критики способности суждений*, видимо, пересмотрел некоторые воззрения на соотношение *веры, мнения и знания*. На первый план в этой работе выдвигается проблема соотношения *предметов мнения, фактов и предметов веры*. В результате свою прежнюю *твердую веру* в инопланетян он теперь называет *мнением*: «Предположение о наличии разумных обитателей на других планетах есть дело мнения...» [2, с. 789]. *Предметом мнения* оказывается теперь и *эфир новейших физиков, эта упругая жидкость, проникающая все материи* [Там же]. Термин *доктринальная вера* исчезает из кантовского словаря.

ра, которая, однако, сама по себе тоже не религиозна. Она говорит не о том, что бог *есть* и душа бессмертна, а является *верой* в *безусловную необходимость* того, считает Кант, «чтобы я во всех отношениях следовал нравственному закону» [1, с. 1037].

Кант был убежден, что ни *доктринальная вера* в бога и в загробный мир, ни *прагматическая вера*, столь полезная для его собственных научных разысканий, не способны убедить в необходимости следовать *правилам нравственности*, невзирая на обстоятельства места и времени, столь важные для *правил умения*, и на *советы благоразумия*. Однако, полагал он, *моральная вера* все-таки подталкивает к размышлениям о *конечной цели* нравственного поведения, которая «не может быть предписана как веление никаким законом разума, если он, хотя бы без уверенности, не пообещает также и достижимость ее и тем самым не оправдывает нашу убежденность в единственных условиях, при которых разум только и может мыслить себе эту достижимость» [2, с. 799]. Вера в *достижимость* цели, которую преследует нравственные поступки, – быть *достойным счастья* – сливается, считает Кант, с размышлениями о предметах *доктринальной веры*, что и объясняет синтез *доктринальной* и *моральной* веры, осуществляемый его собственным весьма критичным разумом.

«Цель установлена здесь непоколебимо, – говорит Кант о моральной вере, – и, насколько я понимаю, возможно только одно условие, при котором эта цель связана со всеми остальными целями и тем самым имеет практическое значение; это условие заключается в том, что существуют бог и загробный мир; я знаю также совершенно твердо, что никому не известны другие условия, ведущие к тому же единству цели при действии морального закона» [1, с. 1039]. Но уверены ли в этом другие? Кант, отвечая на возможные возражения своих университетских коллег, опасавшихся, что религия и диктуемая ею мораль без их *теоретических* (а на самом деле *спекулятивных*) доказательств бытия бога окажутся в весьма опасном положении, утверждает, что «вера в бога и в загробный мир так сплетена с моим моральным умонастроением, что я столь же мало опасуюсь утратить эту веру, сколь мало испытываю беспокойство, что это умонастроение может быть отнято у меня» [Там же].

Кант успокаивает своих оппонентов и самого себя тем, что размышления о моральном законе, обязательно присутствующем в *разуме* любого человека, убеждают его в бытии бога и бессмертии души больше, чем любые спекулятивные аргументы: «...так как нравственное предписание есть вместе с тем моя максима (как этого требует разум), то я неизбежно буду верить в бытие бога и загробную жизнь, и я твердо убежден, что эту веру ничто не может поколебать, так как этим были бы ниспровергнуты сами мои нравственные основоположения, от которых я не могу отказаться, не став в своих собственных глазах достойным презрения» [Там же].

В то время в Европе было уже достаточно много атеистов, не скрывавших своих взглядов, чтобы не задаваться вопросом о причинах их неверия. Кант в *Критике способности суждения* рассматривает понятия *неверие* (*Unglaube*), *неверящий* (*unglaublich*) и *неверующий* (*unglaublich*), считая их нелепыми и невозможными, если речь идет о людях, обладающих разумом. Однако еще в первой *Критике* он отметил, что религиозная вера возможна только в случае моральных исканий людей, наличия у них *моральных умонастроений*. «Если мы... возьмем человека, который был бы совершенно равнодушен к нравственным законам, то вопрос, предлагаемый разумом, становится только задачей для спекуляции и может, правда, и тогда быть подкреплён серьезными основаниями по аналогии, однако не такими основаниями, перед которыми не устояла бы даже самая упорная скептичность» [Там же, с. 1039–1041]. Иными словами, причиной атеистических

убеждений является, по Канту, то, что Ницше позже назвал *иммориализмом*. Кант, убежденный в том, что религиозная вера возникает и воспроизводится в ходе моральных исканий людей, считал, что *веры разума*, основанной на *моральных умонастроениях*, нет у тех, кто *совершенно равнодушен к нравственным законам*¹⁸.

Кант, конечно же, понимал, что его *моральное доказательство* не является строгим доказательством, принуждающим всех и каждого признавать *знанием* тезисы теологии и рациональной психологии. Но он и не ставил перед собой такой задачи. *Вера*, включая религиозную веру, не является *знанием*, к признанию которого истинным принуждает всех и каждого *теоретическое* доказательство. *Вера*, считал Кант, относится «не к предметам возможного знания или мнения», и она не принудительна. «Вера есть свободное принятие за истину – и не того, во имя чего должны даваться догматические доказательства для теоретически определяющей способности суждения или к чему мы считаем себя обязанными, а того, что мы допускаем ради намерения по законам свободы» [2, С. 799–801]¹⁹. *Знанием* и *мнением*, по Канту, могут быть признаны только итоги *теоретического познания*. Итогом же *практического познания* может стать только *практическая вера* – *прагматическая* и *моральная*. Последняя есть убеждение, обладающее *моральной достоверностью*. Но поскольку такое убеждение *опирается на субъективные основания*, то «я не могу даже сказать: *имеется моральная достоверность, что бог есть* и т. д., а могу лишь говорить: *я морально уверен...*» [1, с. 1039]. Конечно, ни эти, ни более поздние рассуждения Канта о своей собственной *моральной уверенности* в бытии бога являются не *доказательством* того, что бог действительно существует, но объяснением истоков веры в бога – его *философией религии*, как стали называть подобные объяснения, начиная с Гегеля²⁰.

Специфика *философии религии* Канта в том, что он видит истоки религиозной веры не в невежестве первобытных людей, т. е. в их *неразумии*, закрепленном культивируемыми церковью предрассудками, и не в сверхъестественном *откровении*, которое бог дает немногим избранным им самим медиумам, а в *разуме*, который присущ каждому человеку. У животных нет разума, но у животных нет и религии. Религия, по Канту, разумна. Доказательство *разумности* религии было главной целью его *критического* предприятия.

Кант не был первым, кто обратил внимание на связь разума и веры. В дохристианскую эпоху разумность религиозных верований, похоже, ни у кого не вызвала сомнений, а кое у кого – и религиозность некоторых животных, которым в те далекие времена иногда приписывалась разумность. Так, в компиляции Плиния Старшего (семьдесят тысяч выписок из двух тысяч книг), названной им *Естественной историей* (а Александром Койре – «собранием анекдотов и рассказами досужих кумушек» [5, с. 53]), один из источников Плиния рассказывал о *религиозности слонов*, которая, по его мнению, доказывает наличие у них разума.

Разум как практическая познавательная способность, независимая от принуждения жизненных обстоятельств, считал Кант, диктует людям нравственные нормы и *моральную веру* в их осуществимость, и сам *разум*, а не что-то постороннее ему создает для своих практических потребностей идеи бога и бессмертной души. И тот же самый *разум*, пораженный собственной убежденностью в реальном су-

¹⁸ «...Вера разума основывается на допущении моральных умонастроений. Если мы отбросим это допущение и возьмем человека, который был бы совершенно равнодушен к нравственным законам, то вопрос, предлагаемый разумом, становится только задачей для спекуляции...» [1, с. 1039].

¹⁹ Кант еще раз говорит об *ошибочности* «намерения доказывать [бытие] Бога и бессмертие чисто теоретическим путем», которая «заключается в том, что на этом пути (понятий природы) невозможно никакое познание относительно сверхчувственного» [2, с. 805].

²⁰ Более подробное изложение *философии религии* Канта находится в его работе *Религия в пределах только разума*, изданной в 1793 году, т. е. через 3 года после *Критики способности суждения* с ее знаменитым § 91. О способе принятия за истину через практическую веру.

ществовании аналогов этих идей, ссылками на *откровение* и с помощью квазиторетических спекуляций пытается превратить *моральную веру* в *доктринальную веру*, претендующую на *знание*, которого спекулятивное познание достичь не способно. Свою задачу Кант видел в устранении антагонизма *веры* и *разума*, многие века культивировавшегося в христианстве. Однако ни одна из христианских конфессий не приняла кантовского учения о разумности религии. Видимо, прав был всё же Тертуллиан, зорко разглядевший в готовности христианских мучеников страдать за свои религиозные убеждения веру в *абсурдное*, в то, что не поддается разумному объяснению, т. е. в *чудо*.

Кант не сумел убедить своих просвещенных современников в преимуществе *этикотеологии* по сравнению с традиционной *физикотеологией* и *пневматологией*. А к середине XIX в. большую часть образованной публики перестал волновать вопрос об эффективности того или иного способа доказательства религиозных положений, как это было еще в конце XVIII в. Религиозность в глазах ее большинства перестала быть гарантией высоких моральных качеств человека, а религиозные убеждения, сохранение и укрепление которых даже в либеральных университетских кругах считалось предметом едва ли не всеобщей заботы, становились предметом бесстрастной *философии религии*, а несколько позже – еще более наукообразного *религиоведения*. Европу всё больше захватывало умонастроение, которое Ницше охарактеризовал фразой «Бог умер». О *моральном доказательстве* Канта, считавшего моральные искания людей основой религиозной веры, конечно, помнили и помнят сейчас. Однако появились новые версии возникновения и воспроизводства религиозных убеждений, привлекающие внимание читающей публики своей новизной и оригинальностью.

Современные исторические, археологические, этнографические исследования позволяют с большой долей уверенности считать, что *мораль* (в ее кантовском понимании) как регулятор поведения свободных *лиц*, самостоятельно принимающих решения и несущих ответственность за свои поступки, сформировалась сравнительно поздно и отнюдь не у всех народов, живущих с древнейших времен на одной Земле с нами. В современных нам родовых сообществах, где его члены связаны, главным образом, близким и дальним кровным родством или ритуалами породнения (браки, усыновления, братание и т. п.), действуют иные регулятивы, задача которых – обеспечение силы своего рода пусть даже в ущерб остальному человечеству. Нормы родоплеменной жизни исключают или серьезно ограничивают межличностные отношения, если их можно считать отношениями между *лицами*.

Понимание того, что человек есть *личность*, что интеллектуальный и духовный мир каждого индивида так же неповторим, как и его лицо, что именно *личность* несет ответственность за свои мотивированные поступки, отнюдь не появляется вместе с появлением человечества. Там, где до сих пор кровнородственные связи играют ведущую роль и культивируется кровная месть, мститель назначается клановым советом и не всегда из числа наиболее пострадавших, а ответственным за пролитую кровь может стать любой член враждебного рода (клана, семьи, мафии), и не обязательно проливший эту кровь. В кровной мести нет ничего личного, только – родовое. Именно поэтому в не такие уж стародавние времена лицо индивида с его неповторимыми чертами мало кого интересовало и потому скрывалось татуировкой, раскраской, головным убором, маской, прической, одеждой, говорящими о главном – о принадлежности подчеркнуто обезличенного индивида к тому или иному роду, к той или иной его половозрастной группе.

Но если иметь в виду общества, где уже существуют правовые отношения, регулирующие взаимоотношения самостоятельно отвечающих за свои поступки

лиц²¹, а на смену аффективным *нравам* приходит *мораль*, требующая *разумного* обоснования поступков и неукоснительного следования законам, как это делал Сократ в платоновском *Критоне*²², то суждения Канта о *моральных умонастроениях* людей как обязательной предпосылки *религиозной веры* уже не кажутся устаревшими и наивными. Возникновение права актуализирует моральные искания людей, начинающих жить по искусственно создаваемым разумом писаным соглашениям (законам)²³, а не по *нравам* – этим неосознанно культивируемым разными сообществами эмоциональным и поведенческим реакциям – и чуть менее эмоциональным *обычаям*²⁴. Христианство, а именно в нем Кант видел наиболее адекватное воплощение *религии разума*, не случайно возникает в греко-римском мире с его развитой правовой системой и обостренным вниманием к моральной проблематике.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума. – 2-е изд. // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 2006.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – Т. 4. – М., 2001.
3. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – Т. 4. – М., 1994.
4. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. – СПб., 1997.
5. Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. – М., 2001.
6. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М., 1993.

Gennadiy Vasil'evich Boldygin,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

I. Kant on *knowledge* and *beliefs*

The article deals with I. Kant's definitions of notions which are the most important for European culture. *Knowing* and *believing* proved to be assessment categories reflecting credibility of different judgments – theoretical and practical. Kant counters the *doctrinal belief* that claims the theoretical knowledge of its objects with the *practical belief* which, in turn, comprises *pragmatic, moral and religious beliefs*.

Key words: Kant; belief; knowledge; opinion; morals; understanding; reason.

²¹ Употребление местоимения «Я», говорящее о том, что использующий его *individuum* (буквально – неделимый) осознает себя не безличным *атомом* среди других точно таких же *атомов*, а неповторимой *личностью*, чрезвычайно затруднительно для людей архаических сообществ. Индейцы Фенимора Купера говорили о себе в третьем лице единственного числа, а русский крестьянин из-за непонятной нам теперь застенчивости говорил о себе «Мы». В древнеэллинской литературе слово «Я» (*εγώ*) впервые встречается только в поэмах Гесиода, прославлявшего сельскую жизнь с ее добрыми нравами в противоположность законосообразной жизни в полисах.

²² Гегель, который в отличие от Канта противопоставлял *мораль* и *нравственность*, несмотря на их этимологическую тождественность, считал Сократа, обосновывавшего разумность афинских законов и вынесенного ему приговора, первым в истории *моральным* человеком.

²³ *Νόμος* (слово, чаще всего переводимое как *закон*) для эллинов той эпохи – не предписание властвующего лица или органа, а, как отмечает Ксенофонт в *Воспоминаниях о Сократе*, обязательно *записанное соглашение* граждан полиса «с указанием, что следует делать и чего не следует» [6. I, 2, 42–45]. В другом месте *Воспоминаний* Гиппий о *законах* говорит как нечто общеизвестное: «Это то, что граждане по общему соглашению написали, установив, что должно делать и от чего следует воздержаться» [6. IV, 4, 13].

²⁴ Подробнее об этом см.: Болдыгин Г. В. К истокам конфликтов свободы, нравственности, законности // Вестник Гуманитарного университета. Серия : Право. – 2005. – № 4. – С. 12–24 ; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. – Saarbrücken : LAP, 2013. – С. 35–57. – URL: <http://www.lap-publishing.com/>